

МАГОМЕТ БАЙЧОРОВ

КОСТЕР
В ГОРАХ

МАГОМЕТ БАЙЧОРОВ

КОСТЕР В ГОРАХ

СТИХИ

Перевел с карачаевского
Иван Кашпуров

Ставропольское
книжное издательство
1973

МОЙ КАРАЧАЙ

Под небом
и синим, и чистым
лежит мой родной Карачай —
зеленый,
кремнистый,
ручьистый
и солнцем обласканный край.
Здесь реки
бросаются в пропасть,
на скалы,
с подоблачных круч,
и туры
встречают на тропах
зари ослепительной луч.
Здесь ранью,
сбегая с отрогов
веселой семьей своей,
березки встают при дороге,
чтоб нежно приветить гостей.
А выше —
чинары да ели,
а выше —

трава и цветы,
и птах щебетанье,
и трели,
и шум непрерывный воды.
Все это природа копила ,
в краю моем горном
для вас,
друзья из Бендер и Тагила,
из Риги,
Термеза,
Черкасс.
И гостю мы рады
без меры,
тем более рады
друзьям.
Вам
настежь распахнуты двери,
открыты сердца наши
вам...
Когда незнакомец приедет
в любой наш аул,
детвора
с известием радостным этим
рассыплется вмиг
по дворам.
Хозяева выйдут к воротам,
убрав коромысла с пути,
с улыбкою
самою кроткой
просить будут

в гости зайти.
А женщины наши
в мгновение
расстелят ковры на полу,
расставят свои угощенья,
бурдюк пополнее —
к столу...
Никто вас не спросит:
«Откуда?»
Никто вас не спросит:
«Куда?»
Мы ждем вас
в любую минуту,
и рады вам,
рады всегда!

КОСТЕР В ГОРАХ

Хасану Аппаеву, автору
первого карачаевского
романа «Черный сундук».

Весны,
зимы в горном крае,
беды,
радости крестьян —
все вобрал в себя
роман,
твой роман,
Хасан Аппаев.

Нынче те же звезды,
горы
и безмолвие камней.
Только твой
любимый город —
Карачаевск —
стал юней.

А друзья тебя поныне
ждут и летом,
и весной,
словно ты
не стал полынью,
ветром,
громом,

тишиной...

Твой костер,
в горах зажженный,
никогда не затухал,
не зачах
твой дуб зеленый —
жизнь дубраве целой дал!

Я НЕ ГОРА

Я не гора —
кремня осколок малый,
и не гудит вулкан во мне,
о, нет!
Но только пусть
ударит жизнь-кресало —
и вспыхнет искр
слепящий свет.

ЧЕРКЕССК

Прохладный город
Йошкар-Ола.
Меня сюда
забросили дела.

— Черкесск! Черкесск!
Откликнись! — я кричу
и ручки у приемника
кручу.

В ответ мне
откликается весь мир,
и только ты молчишь,
родной Черкесск,

как будто
выйти позабыл в эфир —
и на твоей волне
разрядов треск.

Ты далеко.
Ты на краю земли.
Меж нами версты
сотнями легли.

И все-таки,
чем дальше еду я, —

тем ближе ты,
дороже и родней,
и виден мне
среди ночей и дней,
Черкесск,
столица горская моя!

У ПАМЯТНИКА РАИСЕ МИРОНЕНКО

Раиса Мироненко, 1919 года
рождения, повешена фашистами
13.01.43 г.

Надпись на памятнике
в станице Кардоникской,

Я, житель гор,
пришел в твою станицу,
чтобы твоей могиле поклониться.
Здесь хаты разбежались по долине,
и в окнах колыхаются зарницы,
и теплым пухом
пухом тополиным
над обелиском тихий день курится.

Перед твоей могилой
на коленях
я, обнажая седьму, стою.
«Прими привет от горских
поселений
и спи спокойно,
русская сестра,
мы отомстили за тебя в бою!..» —
шенчу слова,
а боль в душе остра.

Пройдут года.
Не раз напишут люди
о нашей героической борьбе,
и в книгах тех всегда священны
будут
страницы,
посвященные тебе.

Я так хочу,
чтоб дети, вырастая,
осуществляли все свои мечты
и чтобы, радость иль беду встречая,
любили так же Родину,
как ты.

МОСКВА

Дождь изливал
свою тоску,
в полях осенних тряся.
Учитель старый
про Москву
рассказывал нам в классе.

Я жадно слушал...
С той поры
она мне стала сниться,
и как-то в ясный день
с горы
искал в дали столицу.

И вот сбылись
мечты мои —
я переполнен счастьем:
Москва все улицы свои
мне открывает настежь...

Москва,
я шел к тебе года,
чтоб дружбой поделиться.
Но здесь почувствовал —
всегда
я был твоей
частицей!

ГОВОРИТЕ СО МНОЙ

Вы сказали мне что-то по-гречески.
Я не грек.
Я потомок алана.
Но с далекого детства мне грезится
опаленная солнцем
Эллада.

Говорите со мною по-гречески.
Я пойму ваш язык поэтический.
Не дает мне покоя
с младенчества
хладный пепел
культуры античной.

Говорите со мною по-гречески.
Ваша речь
льется речкою светлой,
что столетья несла человечеству
величайшую мудрость на свете.

А стихи и трагедии вечные?
Сколько чувства
в их медленном ритме!..
Говорите со мною по-гречески —
все я сердцем пойму.
Говорите!

ДИКИЙ МАК

Дикий мак
разросся на поляне.
Вдруг,
откуда ни возьмись тут, —
ветер.
За руку берет его и тянет,
говоря:
«Пойдем скорей со мной —
поглядишь хоть жизнь
на белом свете...»
Принимает мак
неравный бой —
гнется,
вырываясь, что есть мочи...
Сросся он корнями с землей —
Изменить земле родной
не хочет.

ПЛАЧ МАТЕРИ

Сын мой, сын!
Где ты на крыльях орлиных
ищешь свою удачу?
Молод ли ты
иль в сединах
чуб осыпаться начал?
Двадцать два года длинных
жду я тебя
и плачу.
Когда, засыпая,
ты слышишь,
как ночью бушуют грозы,—
не дождь барабанит
в крышу,
а слезы мои.
Слезы.
Когда же осенний ветер
блеет отарой в трубе —
это мой голос
на свете
печально взывает к тебе.
Я кличу и днем, и ночью:
«О сын мой,
вернись домой!..»
Мне сердце мое
пророчит,
что жив ты...

Дорогой прямой —
лесами,
полями пшеницы
иди же скорей,
иди.
Я любовью открою границы,
ожиданьем согрею
в пути...
Я слышу,
в горах говорят:
вернулся домой
с войны
двадцать две
голубых весны
пропадавший безвестно
солдат...
Неужто шайтаном проклят
в сакле моей очаг,
что радость
в оконные стекла
давно уж не шлет
ни луча?
Знаю я,
горы тебе, мой сын,
чужих городов роднее,
и неба орлиного синь
холодных небес
нежнее.
Для тебя,
словно сакли двери,

Мать-Россия
объятая раскрыла.
Где же ты, сын мой?
Я жду, я верю, —
расправишь ты
легкие крылья
и ко мне прилетишь,
прилетишь...

ТЫ — ВЕТЕР

Кто я — неважно:
колючка ли,
клен ли,
крапива или лебеда...
Ты — ветер.
Гуляя в долине зеленой,
меня приласкаешь
всегда!

ЕСЛИ Б В АЛЛАХА Я ВЕРИЛ...

Если б в аллаха я верил,
то, совершая намаз,
я бы молился на север, —
на юг не поднял бы и глаз.

Кого осчастливила Мекка?
Кому помогла Медина?
Счастье дала человеку —
Москва.
И она одна.

ИМЯ ЛЮБИМОЙ

Я с букварем под мышкой
пас баранов.

И только-только
слоги одолел —
над солнечной долиной
Учкулана
любимой имя
высек на скале.

Обвалы,
ветры,
холода
и годы...
Скалы той
не найти уже давно.
И только в сердце
никаким невздам
стереть любимой имя
не дано.

ОТЦУ

Всю жизнь, отец,
ты думал обо мне.
Я о тебе, признаться, —
очень мало.
Свою вину
я осознал вполне,
когда отцом стал.
Но тебя не стало.

ДАВАЙ-КА ПОМОЛЧИМ...

Давай-ка помолчим с тобою.
Ведь нас не двое.
Нас не двое.
Мы оба —
в целом белом свете —
один всего лишь человек.
К чему вопросы и ответы,
когда сердца
слились навек.

ЛАНДЫШИ

Слышал я,
что ландыши
среди полян росли,
и бывало столько их —
хоть косой коси.

Но потом
влюбленные
что-то в них нашли —
целыми ватагами
по цветы пошли.

С той поры
все ландыши —
в потайных местах:
прячутся-хоронятся
где-нибудь в кустах.

Д О Ж Д Ъ

Гроза!..

И озноб — по стеклам,
и ливень, —
как из ведра,
и скоро земля промокла,
и лужа —
среди двора.

Дождь

поливает грядки,
моет листву плюща,
и только малыш в кроватке
спит
и не слышит дождя.

— Не надо будить, родная, —
жене я шепчу, —
не тревожь...

Он в жизни еще узнает
и стужу,
и зной,
и дождь.

ЗРЕЛОСТЬ

— Отчего ты грустной стала?

— Мне сегодня — сорок.

Старость..

— Ты себя не разглядела —

это полдень,

это зрелость.

Срок придет,

но будет поздно —

ты оценишь

этот возраст.

ЗВЕЗДЫ

Кинув Боргустанские высоты,
вы сбежали, звезды,
от работы,
и теперь
с Ахун-горы все ночи
равнодушно смотрите
на Сочи.

Кто ж теперь
аулу Учкекену
будет свет мерцающий дарить?
Кто ж разбудит комбайнеров смену
и в поля проводит до зари?

Что нашли вы
на горе высокой
и довольны ль новою судьбой?
Неужели
в шуме волн далеких
не слышать вам шелеста хлебов?

Я сюда приехал
к морю в гости.
Что же вас позвало в этот край?
Может быть,
надумаете, звезды,
и со мной вернетесь в Карачай?

Там вас встретят
песнями горянки,
перестанут сумерки грустить,
Вы, как прежде,
с высей Боргустанских
Учкекену будете светить.

А пока
с Ахун-горы все ночи
равнодушно смотрите
на Сочи.
Кинув Боргустанские высоты,
вы сбежали, звезды,
от работы.

О МИРЕ ПОЙ, ПОЭТ...

Хоть мирный труд
в родном краю
царит уже давно,
но в скольких саклях
горцы пьют
печальное вино!

Там сыновей
до этих пор
ждут въяве и во сне.
А сыновья,
спустившись с гор,
остались на войне.

Я не писал о ней тогда.
Не мог.
Я воевал...
Бегут года,
как с гор вода.
Мой чуб в сединах стал.

Чинары тихо шепчут мне,
встречая утра свет:
«Поэт,
не надо о войне,—
о мире пой,
поэт!..»

ШУМЯТ ПТИЦЫ

Путь далек,
а осень на подходе.
Стаи птиц
шумят до самой ночи, —
спорят птицы
при любой погоде:
вожаком ли стать
никто не хочет
или все желают
верховодить?..

ЧЕРКЕССКОЕ МОРЕ

Увидев тучи
на вершинах горных,
я забываю вдруг
о море Черном.
Мне кажется,
на выжженном просторе
Черкесское
разлилось вольно
море
и зародились там
от ветерка
тяжелые вот эти
облака.

ПРОВОЖАЛА МАТЬ МЕНЯ...

Хоть отшумело весен много,
хоть много зим
сошло в горах,
но помню,
как впервой в дорогу
ты провожала, мать, меня,
как в сыромятных чабурах
джигитом сел я на коня.

Скакал мой конь
быстрее оленя
к горам синеющим,
к лесам,
а я все слышал наставленья:
«Словам не верь —
они обманут,
гляди на мир —
и верь глазам...»

Бегут года,
мелькая тенью,
в лугах меняется трава,
и у меня вот
в белой пене
давным-давно уж голова.

И снова — путь.
И у порога
вновь слышу, мама, твой наказ:
«Аллаха помни, сын,
и строго —
где б ни был ты —
твори намаз —
и будет легкою дорога...»

Чтоб мне
к твоей вернуться двери, —
готов молиться я все дни.
Но как в аллаха мне поверить,
когда о нем —
слова одни?
А ты учила им не верить.

НОЧЬ НА КУМЕ

...И дремлют под черною буркою
дали,
цветенье травы тая.
В степи мы вдвоем
до рассвета остались, —
старуха Кума да я.

Кума —
говорливая мелкая речка —
о чем-то своем шумит.
Лежу я в траве
и бессонные речи
слушаю,
глядя в зенит.

Там звезд,
словно судеб людских,
миллионы.
Они отразились в воде.
До света река говорит мне
влюбленно
о судьбах миллионов людей.

Но молча гляжу я
на звездную осыпь,
на Млечного белый дым.
А речка хлопочет,
шумит стоголосо —
и оба мы с ней не спим.

ЖИВЕТ ЛЮБОВЬ

Мы — врозь
и в праздники,
и в будни.
Я не тебя
веду в кино.
И незнакомые мне люди
с тобой в родстве
уже давно.

Но как под серым слоем
пепла
не гаснет долго
уголек, —
так в нас любовь
жаринкой светлой
живет,
забившись в уголок.

Кто ж виноват,
что в отчем крае
мы порознь
встретили весну?..
Я проклинаяю,
проклинаяю
большую
долгую войну.

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Тебе благоразумие
не снится.
Тебя весенний
опьянил мотив.
Но выслушай,
быть может, пригодится:
любовь большая
в сердце не вселится,
большую боль
с собою не вселив.

Так не рассыпья
искрами до срока,
не преврати
любовь свою
в игру
и помни то,
что пламенем высоким
костер горит
недолго на ветру.

ЛАСТОЧКИ

Я был бритоголовым мальчуганом
и пас телят.
В ущелье,
за аулом,
где громоздились
сумрачные скалы
и у подножья
рос морковник сладкий.
На этих скалах
ласточки гнездились,
и целый день
стоял веселый щебет,
и, голову задрвав,
я мог часами,
не шевелясь,
за ними наблюдать.
Птенцы из гнезд
высовывали клювы,
настойчиво и голодно пищали,
и пара птиц
до самой поздней ночи
ловила мошек
и птенцов кормила...
Теперь,
откуда б я ни возвращался,
меня встречают у порога дети,
в карманы лезут:

«Что принес ты, папа?..»
А я стою и улыбаюсь молча,
я вспоминаю ласточек невольно,
что и сейчас, наверно,
за аулом
на бурых скалах
весело живут.

ДОРОГА В ПОЛВЕКА

Есть старики
на моей земле —
по веку
живут на свете.
Мое ж поколенье
в полсотни лет
путь прошагало
в тысячелетье.
...Низкая сакля
глиною крыта,
стены глухие —
без окон.
К огню в очаге
подбираются скрытно
сумерки ночи глубокой.
Семья на широком помосте в углу
спит под одной кошмой.
Ветер — в дымарь —
раздувает золу —
холодно в сакле зимой.
У горца богатства —
шальвары, бешмет
да кожи сырой чабуры,
герлыга, кинжал,
которому след
в ножнах дремать до поры.
У горца лепешки —

одна зола,
с водой пополам айран,
и где-то всевидящий аллах,
и где-то сердитый шайтан.
У горца соха
из карагача,
а поле все —
с бабий передник,
и всюду из пашни
каменья торчат,
как зубы взъяренных медведей...
Так время
веками текло и текло.
Вот кто-то придумал сатин,
печи, духовки,
окно и стекло,
взамен каганца —
керосин.
Тут скоро в аул
буквари забрели
и даже один патефон.
Слушали горцы,
затылки скребли —
явь это все или сон?
Потом увидали
портрет Ильича.
«Так вот кто нам дал
эту новь!..»
И стали Володями звать-величать
отцы молодые

сынов.

И зашумели,
как в ливневый дождь,
ребят голоса по школам.
Рабфаки и вузы
брала молодежь,
нахлынув волной веселой.
И вот уже горцы —
актеры, врачи,
этот — учитель,
тот — инженер,
песня горянки
в столице звучит,
а слушает весь СССР.
В горах за полвека
стало светло
от всех изменений этих.
Мое поколение
в полвека прошло
дорогу
длиною в тысячелетье.

ГЛАЗА РЕБЕНКА

Вы можете и верить,
и не верить.
Но до сих пор
живет в горах поверье:
коль мать, рожая,
глянет в небеса,
то у ребенка —
синие глаза;
увидит за окошком
мрак глубокий —
дитя горянки
будет черноокиим;
коснется взглядом
трав среди весны —
глаза ребенка
будут зелены...
Мне встретились вчера
глаза бесстыжие,
глаза такие
я не часто вижу,
и потому
задумался над тайной:
что женщина та
видела случайно,
рожая в муках
сына своего?

ДЕВЧАТА ХАБЕЗА

Ну, что ж вы,
девчата Хабеза,
помочь фонарям
не пришли?
Всю ночь они
с тьмою боролись,
а вот одолеть
не смогли.

Когда бы вас тьма
увидала,
когда бы
заслышала вас,—
бежала бы прочь
из аула
от ваших
сияющих глаз.

И день,
по-весеннему синий,
в садах распускал бы
листы,
и был бы он радостным,
словно
черкешенки юной
мечты...

Я твердо уверен,
пока вы
не спите —
не нужен рассвет:
к Хабезу
полночная темень
не смеет приблизиться,
нет!

КАК ТЫ ПЛАЧЕШЬ

Как ты плачешь
в шестнадцать лет —
на щеках,
словно радости свет!
Пусть в твое
отпылавшее лето
будут очи
безоблачно сини.
Уж тогда,
коль заплачешь ты где-то, —
то слезами,
горше полыни...

САКМАНЩИЦЕ

Я из аула выехал
до света,
я торопил горячего коня.
А всю дорогу
надо мною где-то
звенел твой смех —
он провожал меня.

Но вдруг сорвался
теплый крупный ливень,
поймаешь каплю —
и полна рука.
А мне казалось,
это смех счастливый
свинцовые
расплавил облака...

Мой конь устал идти
по тропам склизким,
а струи ливня
все звенят, звенят,
чтобы скорей росли
в лугах альпийских
густые травы
для твоих ягнят.

ПРИ РАСПРЕДЕЛЕНИИ

— Вам быть в Каясуле
седьмого.

— Буду.

— Довольны?

— Да!

Но есть вопросы к вам.

Скажите,

Эльбрус виден ли оттуда

и шум Кубани

слышится ли там?..

С Л Е Д Ы

Над обветренным Джидалом
занимался новый день.

В это утро
зацветала
у меня в саду
сирень.

В это утро
я заметил —
у реки ходила ты,
и на травах
в росах светлых
ты оставила следы...

Трактористы
пашут чисто,
солнце смотрит с высоты,
и над пашней —
пар слоистый,
где с утра
ходила ты.

Вспахан луг.
Чернеют дали.
Мне осталось
лишь вздохнуть.
Но любовь
каленой сталью
не убить,
не запахать.

УТРО В ГОРАХ

Восходит солнце,
и потоки света
врываються в ущелье и леса...
Отяжелев,
упала капля с ветки.
А может, это
радости слеза?

СОН

Люди какие-то
в сон мой пришли
и помогли в беде.
Въяве со мной
приключилась беда —
где же вы, люди,
где?..

НАД СЫР-ДАРЬЕЙ

Горячий день угас.
Даря
земле прохладу,
ночь настала,
и мир уснул.
Лишь Сыр-Дарья
текла бессонно и устало.

А ночь была
темным-темна,
и звезды вздрагивали немо.
Вдруг сорвалась
из них одна
и ярко вспыхнула
среди неба.

Она,
как лезвие ножа,
глухую полночь раскроила,
и, вслед за солнцем путь держа,
на дальнем западе
сокрылась.

Звезда рассыпалась во прах,
чтоб стать
земной росой в рани
и не в каких иных местах,
а на полях
моей Кубани.

КУБАНЬ — КАЛАУС

Горы, горы —
шум ручьев да речек,
горы,
к ним дорога нелегка.
«Отчего грустят они
под вечер,
кутаясь в сырые облака?» —
я спросил
у яблони ветвистой,
что в Карт-Джурте
над рекой парит,
и она,
качнув плоды-монисто
мне в ответ
с доверьем говорит:
«В день,
когда Кубань на свет явилась,
эти горы,
нежности полны,
чтоб она
нигде не заблудилась,
взяли ее за руки
и степью
проводили до морской волны.
А Кичине-Кел
за нею следом
посылал зеленые дары,

чтоб Кубань-реку
весной и летом
ветви укрывали от жары.
Так столетья было.
Но однажды
человек на берега взглянул —
взял Кубань
и от поляны Важной
в степи Ставрополя повернул.
Потому-то и нарядны горы,
проводя речку
в даль степей,
потому-то и печальны горы,
что пойти не могут
вслед за ней...»
Понесла вода Кубани
в степи
облака и небо Хурла-Кел,
сосен шум,
ольховых листьев лепет
и прохладу голубую волн.
И уже березы Учкулана
за водой торопятся,
легки,
и мелькают утром
на полянах
белые нарядные чулки.
Принимает их
в свои объятия
суховейный Северный Кавказ,

и ветра,
наверное, от счастья,
затишают перед ними враз.
А вослед березкам тем
с отрогов
смотрят сосны, ели и дубы.
Видно тоже
их манит дорога
новой
неизведанной судьбы.
Хочется податься им
на север,
в край равнины
знойной и степной,
чтобы встать
зеленою стеной
на пути
заволжских суховеев.

РАДОСТЬ

Радость — девушка-горянка
с темно-карим блеском глаз.
В дом любой ее пошлите —
и она пойдет.
Пойдет не раз...

Посылайте ж радость, люди,
в сто дорожек,
в сто дорог,
и она вас не забудет, —
не минует ваш порог.

СОБИРАЙСЯ, МАГОМЕТ

Ну, что же,
собирайся, Магомет,
и в путь —
на сорок возвратимся лет,
чтоб от пещеры сумрачной Зыка
промчатся на коньках
до родника.
Давай в ущелье дальше пойдём
за земляникой первой,
за щавлем.
А если мы Алима навестим —
нас аксакал
легендой угостит.
Давай-ка, собирайся, Магомет,
и поспешим назад
на сорок лет...
В саду Халита,
словно пьяный дым,
цветет сирень —
пойдем хоть поглядим...
Но коль тебе
подняться тяжело —
сиди с далеким прошлым
за столом...
И я сижу
и грустно говорю,
приветствуя вечернюю зарю,

что если бы
свой путь я повторил, ...
то и ошибки
снова повторил!

ВЫ ВЕРНЕТЕСЬ...

Я знаю,
вы сюда вернетесь
не потому,
что я вас жду.
Вас ждут рассветных зорь тенета
и груши спелые в саду,
и облака над Бермамытом,
и водопадов дикий рев,
и горный луг,
росой умытый,
и вековой чинары кров,—
все ждет вас
в нашем древнем крае,
все, чем богат он,—
на виду.
Сюда вернетесь вы,
я знаю,
и потому
я жду вас.
Жду!..

СОДЕРЖАНИЕ

Мой Карачай	3
Костер в горах	6
Я не гора	8
Черкесск	9
У памятника Раисе Мироненко	11
Москва	13
Говорите со мной	14
Дикий мак	15
Плач матери	16
Ты — ветер	19
Если б в аллаха я верил	20
Имя любимой	21
Отцу	22
Давай-ка помолчим	23
Ландыши	24
Дождь	25
Зрелость	26
Звезды	27
О мире пой, поэт	29
Шумят птицы	30
Черкесское море	31
Провожала мать меня.. . . .	32
Ночь на Куме	34
Живет любовь	35
Весенний мотив	36
Ласточки	37
Дорога в полвека	39
Глаза ребенка	42
Девчата Хабеза	43

Как ты плачешь	45
Сакманщице	46
При распределении	47
Следы	48
Утро в горах	49
Сон	50
Над Сыр-Дарьей	51
Кубань—Калаус	52
Радость	55
Собирайся, Магомет	56
Вы вернетесь	58

Магомет Кысхаевич Байчоров

КОСТЕР В ГОРАХ

Редактор Л. Хохлова.

Художник И. Харсекин.

Художественный редактор

Г. Говорков.

Технический редактор

Т. Стеблянко.

Корректор З. Кулиш.

Сдано в набор 26.IV-73 г. Подписано к печати 3.VIII-73 г. Формат 60×90¹/₃₂. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 2,0, уч.-изд. л. 1,68. Тираж 5000
Заказ 2838. Цена 24 коп. ВГ94509.

Ставропольское книжное издательство
г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЫПУСКАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ:

Александр Екимцев. Ваша светлость, березы.

Сборник лирических стихов. Любовь к Родине, ее природе, любовь к русским просторам, людям, духовно крепнущим в единении с родной землей, внутренняя красота и чистота русского человека — основное в творчестве поэта. Стихи А. Екимцева отличаются большой поэтичностью, искренностью.

Халимат Байрамукова. Суд аула.

Сборник лирических стихов и поэм известной карачаевской писательницы. Переводы сделаны Н. Матвеевой, И. Лиснянской, Вс. Рождественским, Р. Казаковой и др.

Иван Кашпуров. Не за морями чудо.

Сборник избранных стихов и поэм ставропольского поэта, итог двадцатипятилетней творческой деятельности.

Валентин Марьянский. Лирика.

Основное идейное содержание стихов — любовь к Родине, ко всему прекрасному, что делается на советской зем-

ле. Некоторые стихи адресованы В. И. Ленину, в других говорится о защите высоких ленинских идеалов на фронтах Великой Отечественной войны, в труде, в быту, во всех сферах жизни. Чувство гражданской ответственности, моральная чистота, ясный партийный взгляд — главные мотивы большинства стихотворений.

Байчоров М. К.

Р2 Костер в горах. Ставропольское книжное
Б-18 издательство, 1973.

64 с.

Сборник стихов карачаевского поэта. Переводы выполнены поэтом Иваном Кашпуровым. По тематическому подбору сборник многообразен — стихи о родном крае, его природе, людях, стихи о матери, о любви. Но главная, центральная тема — дружба народов.

Б $\frac{0743-69}{M159(03)-73}$ 69-73